

Раньше, когда приближалось время пира, в Резиденции генерала всегда царили радость и веселье, а Шэнь И с самого утра отправлялся мыться и переодеваться, готовясь к торжеству. Однако сегодня в особняке царила гробовая тишина. Шэнь И заперся в рабочем кабинете и долгое время не подавал признаков жизни. Слуги думали, что он устал после возвращения во дворец для доклада о службе, и не смели тревожить его.

— Генерал, — старый дворецкий Линь Чжи стоял за дверью и, прикинув, что время уже подходит, решил, что Шэнь И пора бы уже начать приготовления. Он произнес сквозь закрытую дверь: — Слуги уже приготовили горячую воду, извольте искупать тело, генерал.

Растерянный и встревоженный Шэнь И опомнился, поднялся с места и отпер дверь кабинета:

— Что с Шэнь Цином?

Шэнь И вовсе не собирался идти мыться. Поразмыслив, раз уж этот пир назначен так некстати, он решил, что спешить некуда, и обратился к Линь Чжи:

— Отвечаю генералу, — отрапортовал Линь Чжи. — Молодой господин отказывается есть и даже не пьет воду.

Шэнь И про себя тяжело вздохнул. Он вовсе не хотел втягивать Шэнь Цина в это дело, но раз тот уже обо всем узнал, Шэнь И больше не мог позволить ему творить глупости.

— Пошли, проведем его, — бросил Шэнь И и вместе с Линь Чжи направился к комнате Шэнь Цина.

Двое стражников несли караул у дверей, сменяя друг друга. Завидев идущего Шэнь И, они торопливо отдали честь:

— Генерал.

Шэнь И обошел их молча и толкнул створку двери. Войдя внутрь, он увидел Шэнь Цина: тот сидел, привалившись к изголовью кровати, с отрешенным взглядом. Из-за того что в рот не попало ни капли воды, его губы потрескались и покрылись глубокими трещинами, до ужаса бледные.

Шэнь Цин медленно поднял руку, бросил на Шэнь И взгляд, не произнес ни единого слова и снова отвернулся.

Видя такое поведение, Шэнь И велел Линь Чжи и стражникам отойти. Плотной затворив за ними дверь, он с тяжелым, помрачневшим лицом уставился на Шэнь Цина:

— Я знаю, сейчас тебе трудно это принять. Но ради жизней сотен сородичей клана Шэнь ты не смеешь вести себя безрассудно.

Шэнь И все еще не оставлял надежды достучаться до Шэнь Цина и продолжал уговоры. С одной стороны, он хотел, чтобы тот смирился с суровой реальностью, а с другой — раз уж Шэнь Цин неизбежно оказался замешан во всем этом, разве не лучше было позволить ему находиться рядом с Муронг Цяньханем и выведывать побольше новостей? Это хотя бы немного успокоило бы самого Шэнь И.

Выслушав его, Шэнь Цин какое-то время хранил молчание, а затем холодно посмотрел на Шэнь И и парировал вопросом:

— А когда вы хладнокровно смотрели, как генерал Вэй и тридцать тысяч воинов погибали в Ущелье Лия, почему вы не подумали о жизнях сородичей клана Шэнь?

Шэнь И замер на мгновение, в его глазах промелькнула злость, но он изо всех сил попытался подавить ее, стараясь не показывать виду. Его ладони тем временем крепко сжались в кулаки.

— Я уже говорил: иного выхода не было.

Шэнь Цин с презрением усмехнулся:

— Вы способны говорить только эти четыре слова?

— Иного выхода не было, — повторил он чуть позже. — Наверное, это звучало именно так: не найдя иных оправданий для собственного эгоистичного желания, вы просто прикрылись фразой об отсутствии выбора.

Шэнь И шумно выдохнул, его дыхание даже слегка подрагивало. Он никак не ожидал, что человек, который трепетал от страха и не жалел собственной жизни ради благополучия клана Шэнь, в конце концов услышит от родного сына столь холодные и язвительные упреки.

— Если бы Гао Шоу случайно не проболтался, сколько бы вы еще скрывали это от меня? До тех пор, пока меня не поволокли бы на эшафот, пока не опустился бы тяжелый топор и моя голова не покатилась с плеч? — видя, что Шэнь И молчит, Шэнь Цин обрушился на него с новой порцией обвинений. — Я лишь хочу знать, кем я в конце концов прихожусь вам! До того, как все тайное стало явью — посторонним человеком, который ничего не ведает о происходящем, а после разоблачения — просто пешкой в ваших руках?

Сердце Шэнь И пропустило удар. Гао Шоу?! Его словно громом поразило. Вот оно что! Неудивительно, пронеслось в голове у Шэнь И, почему Шэнь Цин, который сроду не питавший интереса к фарфору, вдруг вздумал прикоснуться к механизму потайной двери.

Однако каждое слово Шэнь Цина разило прямо в сердце, каждое предложение несло смертельную угрозу. Прежде он не желал впутывать сына и потому был вынужден скрывать правду. Теперь же, когда Шэнь Цин все узнал, Шэнь И оказался в безвыходном положении — ему отчаянно требовалась помощь сына. Кроме как повторить, что иного выхода не было, что еще он мог сказать? Ему нечего было возразить. Для Шэнь Цина эти четыре слова были лишь жалким оправданием, чтобы снять с себя ответственность, но для него самого они вмещали всю горечь безысходности и растерянности.

— Генерал, — донесся вдруг из-за двери голос Линь Чжи. — Прибыл генерала Гао.

Руки Шэнь И невольно дрогнули. Выходит, этот Гао Шоу явился как по заказу. И дело тут явно не простое.

Не сказав ни слова, он бросил Шэнь Цина и ушел, не оглядываясь. Уходя, он не забыл приказать стражникам надежно охранять комнату, чтобы Шэнь Цин не вздумал сбежать.

Шэнь Цин долго провожал взглядом его удаляющуюся спину, не в силах оторвать глаз. Он всё еще надеялся — ждал, что Шэнь И обернется и скажет еще пару слов в свое оправдание, а не отделается жалкими отговорками об отсутствии выбора. Пусть даже просто бросит взгляд через плечо, взглянет на него еще хоть разок! Но вплоть до того момента, как дверь захлопнулась и двое стражников вновь заступили на пост со своими мечами наголо, Шэнь И так ни разу и не оглянулся. Шэнь Цин еще долго смотрел на плотно закрытую дверь, прежде чем с мрачным выражением лица отвести взгляд.

Снаружи шагавший размашистым шагом Шэнь И не успел отойти далеко, как внезапно сбавил ход, а затем и вовсе остановился. Со сложным выражением на лице он оглянулся на комнату Шэнь Цина, тихо вздохнул и велел Линь Чжи:

— Уговори его съесть хоть ложку риса. А если не станет — пусть хотя бы воды сопьет.

Линь Чжи кивнул, понимая, сколь тяжелым бременем всё это легло на плечи генерала, и почтительно ответил:

— Слушаюсь, генерал.

Отослав Линь Чжи, Шэнь И отправился на встречу с Гао Шоу. Судя по словам Шэнь Цина, Гао Шоу сделал это намеренно, а вовсе не случайно.

В парадном зале Гао Шоу стоял неподвижно, но на его лице, точно так же как у Шэнь И, залегла тень глубокой тревоги.

Завидев приближающегося Шэнь И, Гао Шоу торопливо сложил руки в приветственном поклоне.

Однако Шэнь И проигнорировал его жест и лишь холодно бросил:

— Кабинет.

Гао Шоу слегка опешил. Похоже, Шэнь И уже прознал про его умышленное подталкивание Шэнь Цина к разгадке. Впрочем, бедой это назвать было нельзя. Напротив, вместо того чтобы Шэнь И и дальше держал всё в секрете, куда лучше было позволить Шэнь Цину узнать правду как можно раньше. По крайней мере, его не станут водить за нос всю жизнь, чтобы он узнал обо всем лишь на смертном одре — это было бы слишком жестоко. А для них с Шэнь И раннее просвещение парня сулило появление полезного помощника.

— Чего ты в конце концов добиваешься? Разве я не приказывал тебе не лезть к Шэнь Цину? — влетев в кабинет, Шэнь И в упор уставился на Гао Шоу, требуя ответа. В его глазах полыхал гнев.

Гао Шоу опустил голову, избегая пронзительного взгляда Шэнь И. Пожалуй, это был первый раз, когда он ослушался приказа. Но, как и Шэнь И, он действовал без выбора — правда, причины у каждого были свои.

— Генерал Шэнь, — тихо вздохнул Гао Шоу. — Нынешняя обстановка такова, что мы больше не можем сидеть сложа руки и отсиживаться в стороне.

В его голосе звучала глубокая беспомощность и тревога. Шэнь И отчетливо уловил эти нотки, но всё равно сжал кулаки еще крепче:

— Я знаю. И я уже подготовился к тому, чтобы идти до конца и сражаться с Муронг Цяньфэном столько, сколько потребуется. Но зачем было впутывать в это Шэнь Цина?

Он по-прежнему буравил Гао Шоу взглядом, и ярость в его глазах ни капли не утихла.

— Вы действительно готовы? — Гао Шоу медленно поднял голову и встретился взглядом с Шэнь И. Теперь в его глазах читался не испуг, а скорее ответный упрек, куда более острый. — Вы точно знаете, кто стоит за всем этим с самого начала? Вы понимаете, насколько глубоко Муронг Цяньфэн осведомлен о событиях прошлых лет? Откуда ему всё это известно? И неужели в тени за нами следит только один Муронг Цяньфэн?

Шэнь И остолбенел. Он умолк. Он ничего этого не знал — на любой вопрос Гао Шоу у него не было ответа. В душе зарождались сомнения: а была ли у него вообще хоть какая-то уверенность в победе?

Видя, что тот помрачнел и молчит, Гао Шоу продолжил:

— Оставим пока в покое Муронг Цяньфэна. Не забывайте, есть еще и Муронг Цяньюй! Какова

его истинная цель? Какие отношения связывают его с Муронг Цяньфэном, действуют ли они сообща или поронь? Кто он для нас — друг или враг? Вы знаете?

Каждое слово Гао Шоу разило наповал, словно острый клинок, приставленный к самому горлу Шэнь И, лишая того возможности вымолвить хоть звук.

— К тому же не забывайте про Его Величество. Муронг Цяньфэн постоянно подливает масла в огонь, как император может просто так закрыть на это глаза? Сегодня он забрал у вас Тигриную бирку императорской стражи, а завтра...

— Хватит! — Шэнь И со всего маху врезал ладонью по столу.

Стол содрогнулся, звеня и подпрыгивая чашками, которые стояли на нем. Шэнь И оборвал его на полуслове. Ладонь онемела от удара, но он не обращал на это внимания.

— А что насчет Шэнь Цина? Ты действительно хочешь использовать его как пешку?

Нахмурившись, Гао Шоу глухим голосом ответил:

— Я никогда не думал о нем как о пешке. Я делаю это ради вас, генерал.

Его голос звучал убежденно и проникновенно:

— С людьми Муронг Цяньфэна мы еще можем справиться, но Муронг Цяньюй теперь не скован стенами Дворца Хуахэ. Единственный, кто может подобраться к нему близко — это Ваше Высочество наследный принц. Только если Шэнь Цин продолжит держаться рядом с Муронг Цяньханем и приглядывать за действиями Муронг Цяньюя, у нас появится шанс на победу. Иначе нас атакуют с двух сторон, мы полностью потеряем контроль над ситуацией и в конце концов потерим сокрушительное поражение.

Шэнь И со сложным чувством окинул взглядом Гао Шоу. Он поймал себя на мысли, что начинает сомневаться: то, о чем думает стоящий перед ним человек, стало для него совершенно непостижимо. Или, если выразиться иначе, замысел Гао Шоу был до того хитроумным, что мог как сберечь клан Шэнь в целости, так ивергнуть его в пучину вечного уничтожения. Какая же из этих целей была истинной?

— Твой план... вызывает у меня слишком много вопросов, — помолчав добрую половину дня, хмуро выговорил Шэнь И.

Гао Шоу слегка растерялся. Он посмотрел на Шэнь И, не понимая, в чем именно он выразился недостаточно ясно. Неужели после стольких слов Шэнь И все еще гневается на него?

— Нет, — не дав Гао Шоу возможности оправдаться, тут же добавил Шэнь И. — Не вопросы вызывает. То, что я понял его, пугает меня куда сильнее.

Брови Гао Шоу сошлись на переносице. Он всё так же недоумевающе смотрел на Шэнь И, силясь уловить смысл сказанного.

Шэнь И ответил ему не менее острым, похожим на соколиный, взглядом:

— Пугает настолько, что я уже не понимаю: ты пытаешься мне помочь или ведешь меня на верную смерть?

Гао Шоу вздрогнул от неожиданности, его сердце пропустило удар, а грудь судорожно втянула воздух. Несколько мгновений он молча смотрел на Шэнь И, не находя слов — в голове стояла абсолютная пустота. Он никак не мог взять в толк, почему Шэнь И вдруг начал в нем сомневаться.

Спустя какое-то время Гао Шоу пришел в себя. Он тяжело опустился на колени, глядя на Шэнь И с почти мольбой во взгляде, и твердо чеканя каждое слово, произнес:

— Генерал... неужели вы и вправду думаете, что я способен навредить вам?

Шэнь И отвернулся, избегая смотреть на стоящего на коленях Гао Шоу, и даже не подумал поднять его.

— Я не знаю, — бросил Шэнь И. — Я понятия не имею, рассказал ли ты всё Шэнь Цину лишь для того, чтобы втянуть его в эту заварушку и перевернуть мой дом вверх дном, или действительно ради того, чтобы он приглядывал за Муронг Цяньюем.

Гао Шоу выпрямился во весь рост, держа спину прямо. Он прекрасно понимал и отчасти даже принимал терзания Шэнь И — те были вполне естественны, — но на душе у него все равно скребли кошки.

— Генерал, клянусь небесами! В тот год вы спасли мне жизнь, вытащив из рук Вэй Цзиня, и эту доброту я не смогу отплатить до конца своих дней! — подняв голову, он уставился на застывшую спину Шэнь И, а в его глазах горела непоколебимая решимость, подобная вонзившейся в небо стреле.

Шэнь И шумно выдохнул, и воспоминания о том давнем дне, о котором говорил Гао Шоу, внезапно затуманили его глаза влажной пеленой.